

А. С. Колесников

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В ФИЛОСОФИИ БЕРТРАНА РАССЕЛА

Автор рассматривает эволюцию проблемы власти в работах Рассела. Дается анализ классификации форм власти в известной книге «Власть».

Ключевые слова: экономический и сексуальный фактор в политике; классификация различных источников власти; власть священническая; королевская; революционная; экономическая.

Публикации последних лет актуализируют внимание к политическим преобразованиям и, конечно, проблеме «метаморфозы власти» (Э. Тоффлер). Во второй половине XX в. власть становится едва ли не основным предметом философии (А. Бадью, Ж. Батай, Ж. Бодрийяр, А. Глюксман, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ф. Лаку-Лабарт, М. Фуко, М. Хайдеггер и многие другие). Ранее эта проблема была предметом изучения Бертрانا Рассела (1872–1970). Его политические взгляды и философия власти представлялась исследователями по-разному. Так, известный биограф Рассела А. Райан¹ и исследователь Б. Барбер² защищают точки зрения, которые можно квалифицировать как противоположные, что касалось отношения Рассела к пацифизму, анархосиндикализму, социализму, либерализму. С другой стороны, они показывают гибкость отношений Рассела к этим явлениям, которая усиливается с годами. Рассел прожил долгую жизнь, которая позволила ему наблюдать развитие европейской истории на протяжении почти ста лет. Его юность пришлось на времена Викторианской эпохи Британии, в период зрелости он пережил мировые войны и революции, в 60-е гг. он видел крах колониальной системы, в зрелом возрасте он застал эпоху НТР и появление ядерного оружия. Все эти события в той или иной мере повлияли на мировоззрение Рассела, способствовали формированию противоречивых идей и взглядов. Довольно часто в политических сочинениях он следовал идеям, созданными другими³. Немаловажным представляется и тот факт, что крестным отцом ученого являлся Джон Стюарт Милль, которого называли «интеллектуальной совестью английского либерализма середины XIX века»⁴.

Как сын титулованных родителей по окончании учебы в 1894 г. Рассел был отправлен в Германию в ранге атташе по культуре. В

Берлине той поры на пике популярности были социалистические и социал-демократические идеи, знакомство с которыми Рассел и представил в своей первой работе – «Германская социал-демократия» (1896). Первый биограф Рассела Алан Вуд отметил, что у философа было почти журналистское чутье: он предвидел важные общественно-политические изменения в мире, одним из первых он исследовал немецкий милитаризм и большевистский коммунизм, которые и стали определяющими для облика мира в последующие десятилетия⁵.

Однако Первая Мировая война совершенно преобразила его жизнь. Дело было не в простом изменении его распорядка дня и сути самих академических занятий, а в направлении его интеллектуальной энергии, оживлении его политических страстей, что в конечном итоге бросило тень на его общественную репутацию. Едкая и настойчивая оппозиция Рассела правительству вызвала его оставить уединенную жизнь академического ученого ради беспокойного бытия преданного активиста и направило его интеллектуальное внимание с узких проблем философии и логики к более широким проблемам политики, образования и истории.

В 30-х гг. Рассел с отчаянием пытался убедить общественное мнение, что возможная война, которой можно было бы избежать, приведет всю Европу к новому веку варварства и фанатизма. Работа «Каков путь к миру?» (1936) показывает не столько отчаяние Рассела, сколько выражение пораженчества и крах надежд на грядущий мир. По его мнению, Маркс, Фрейд, Бергсон, Сорель, Парето не обеспечили ни правильный анализ существующих условий, ни полезные установки для будущих действий. Рассел был убежден, что требовался новый социальный анализ, и летом 1937 он садится за написание книги. Своему издателю Стэнли Унвину он

пишет, что его проект претендует на создание новой науки, наподобие «Богатства народов» Адама Смита⁶. К октябрю 1938 она была написана почти исключительно с опорой на собственный интеллектуальный капитал и в большой мере была актом интеллектуального и политического доказательств того, что он работал для «подлинного поддержания мира через политическое просвещение и человеческое понимание».

Книга открывается смелым утверждением цели: доказать, что понятие социологии 'власть' фундаментальное, в том же самом смысле, в котором 'энергия' является фундаментальным понятием в физике. Так Рассел провозглашает свои амбиции быть «Ньютоном социальных наук» (Райан). Логика его рассуждения заключается в следующем: было бы нелепо провозгласить, скажем, энергию механического перемещения (или любую другую) как «главную», а все остальные – как ее производные. Но столь же ошибочно и абсолютизация какой-то отдельной формы власти и объявление ее фундаментом для всех других форм, как это сделали, например, представители английской классической политической экономии и вслед за ними Карл Маркс, применительно к экономической власти. В этой связи Б. Рассел писал: «Подобно энергии, власть имеет много форм, таких, как богатство, вооруженные силы, гражданская власть, влияние на взгляды людей. Ни одна из них не может рассматриваться как подчиненная какой-то другой форме власти, и нет единой формы, из которой зарождались бы все остальные»⁷.

Книга богата историческими и культурными сравнениями, обстоятельными связями между формами власти и, как всегда, написана с большим остроумием, воодушевлением и ясностью. Рассел не предлагает просто объяснительную систему или аналитический обзор, необходимо проистекаемые из теорий Маркса, Фрейда, Дюркгейма или Вебера. Он не чуждается обсуждения и таких специфических устойчивых тем, таких как психология революционных лидеров, проблемы защиты и ограничения полномочий демократических правительств, расширения бюрократии, роли мнения в создании и в легитимации власти. Все темы были поданы одновременно тонко и пронизательно, но, что особенно важно, они были проанализированы на фоне устойчиво мрачнейшей европейской сцены.

В своем предисловии профессор Кирк Уиллис утверждает, что книга действительно представляет нечто одинаково редкое и полезное издание. Поражают его предвидения относительно опасностей контроля со стороны СМИ и пропаганды, пронизательность его оценок фашизма, нацизма и сталинизма и мудрость его замечаний относительно распространения насилия и нетерпимости даже в демократических государствах. «Власть», таким образом, остается книгой, чья смесь редкого «здорового смысла и необыкновенной мудрости говорит с нами как всегда с таким большим красноречием и пониманием»⁸.

Раскрытие главной темы «Власти» проведено через несколько ключевых факторов человеческой деятельности, которые могут объяснить войны, революции и диктатуры. В 1930-х гг. Рассел видел два главных соперника в определении политики – фактор экономический и сексуальный. Экономический более полно был представлен Карлом Марксом, идеология которого приобрела огромную власть над многими умами и сохраняла свое влияние на долгие послевоенные годы, в особенности в континентальной Европе⁹. Экономические интерпретации истории все еще живы, но до некоторой степени они были заменены – хотя только в узких интеллектуальных кругах – «империалистической» формой классической экономики, которая стремится объяснить широкие области человеческого поведения в терминах рационального поведения и поиска полезности. Главной конкурирующей интерпретацией в 1930-х, когда Рассел писал книгу, был фактор сексуальный, хотя этот мотив широко критиковался ввиду затруднительности его эмпирической проверки.

Обращение мыслителя к феномену власти было обусловлено стремлением защитить человека от злоупотребления с ее стороны, особенно в тех странах, в которых восторжествовали тоталитарные режимы. При этом имеющиеся на то время концепции не способны правильно интерпретировать истинную сущность этих новых видов диктатур. Рациональнее было бы применение «нового социального анализа», которое, по всей видимости, принимало во внимание подписанные незадолго до этого Мюнхенское соглашение и пакт Молотова-Риббентропа.

В ходе разработки своей теории власти Расселу пришлось собрать огромное коли-

чество материалов по политической истории многих обществ, начиная с древнекитайского и вплоть до современных, изучить немало учений, начиная с конфуцианства и заканчивая марксизмом. Помимо этого были рассмотрены ряд фактов политической жизни, формы власти в традиционных и современных политических системах. Основные выводы и обобщения, полученные в ходе анализа всех вышеперечисленных факторов, отличаются своей глубокомысленностью, всесторонностью и структурированностью. Они затрагивают вопросы мотивов власти, организации, форм осуществления политических, экономических, юридических, философских, психологических и этических условий функционирования властных отношений, характеристики индивидуальных и коллективных носителей. Каждая из этих сторон проанализирована достаточно глубоко. Стоит отметить, что в работе повсеместно встречаются категорические осуждения злоупотребления властью и рассуждения о необходимости выработки мер пресечения этого явления. Однако методология философско-исторического анализа остается позитивистской – стремление в философских рассуждениях отталкиваться от индивида и его психологических характеристик. Как и Милль, он понимает общество как механическую совокупность людей, и только понимание природы индивида дает ключ к изучению социального целого. Вторая особенность теории Рассела – тенденция к психологическому редукционизму социальных явлений, в результате которого теряется специфика общественной жизни, реальные законы возникновения и функционирования института власти.

Большая часть книги посвящена классификации различных источников власти, типа священнической, королевской, революционной или экономической власти. Цель Рассела состоит в том, чтобы исследовать, как мы можем наслаждаться преимуществами государственной власти, предотвращать войну всех против всех, о которой предупреждал Гоббс. Любовь к власти, отмечает британский мыслитель, вероятнее всего, является ключом к пониманию человеческой социальной деятельности. Он утверждает, что только человек может быть настолько не удовлетворен своей судьбой, что стремится к большему количеству благ и ресурсов, чем ему необходимо для удовлетворения своих потребностей.

Эту особенность Рассел назвал «импульсом к власти». По мнению философа, жажда власти присуща каждому человеку, однако она принимает различные формы в зависимости от индивидуальных качеств индивида и его амбиций.

Поскольку сверхзадача, которую ставил перед собой Рассел, заключается в том, чтобы «укротить», «усмирить» власть, сделать ее менее жестокой, а в итоге поставить ее под контроль общества и его законов, то можно сделать вывод, что британский мыслитель трактовал власть, прежде всего, как принуждение, насилие. Однако если у власти будет лишь один инструмент – насилие, человечество едва ли смогло бы осуществить значительные социальные преобразования в духе гуманизма и свободы. Поэтому британский мыслитель, не давая четкой дефиниции понятию власти как таковой, показывает результат ее использования и обладания, одновременно устраняя из определения признак принуждения: «Власть может быть определена как осуществление намеченных целей. Таким образом, это чисто количественное понятие: из двух данных людей со сходными устремлениями большей властью обладает тот, кто может осуществить больше своих намерений»¹⁰.

Хотя любовь к власти и присуща всем людям, по степени интенсивности она распределена между ними далеко не равномерно. Рассел разделил людей на два класса: на тех, кто обладает властью в конкретной ситуации, и на тех, кто ею не обладает. Импульс к подчинению, согласно философу, не является самостоятельным, а коренится в чувстве страха, обусловленного опасностью¹¹. Классификация форм власти имеет различные вариации, например, по масштабу ее использования, по престижу носителей власти, по общественной роли, которую выполняет та или иная форма власти, и т. д. Естественно, любая классификация обладает своими достоинствами и недостатками. Рассел предложил свой вариант классификации, в основание которого лег способ осуществления власти над человеком: «На человека можно влиять: а) посредством прямой физической власти над его телом, т. е. когда его заключают в тюрьму или убивают; б) воздействием системы вознаграждений или наказаний в качестве стимулов, т. е. предоставляя работу или отказывая в ней; в) влиянием на взгляды и мнения людей, т. е. пропагандой в самом широком смысле»¹².

Критерии классификации власти повторяют типологию господства М. Вебера.

Организации, сплоченные общими целями и имеющие четкую иерархию и структуру, отличаются друг от друга способами осуществления власти. Так, армия и полиция реализуют «власть над телом», экономические организации используют систему вознаграждений и наказаний с целью поощрения или устрашения, а школа, политические партии религиозные организации используют методы формирования убеждений людей¹³. Однако эти определения, как указывает Рассел, не являются предельно точными и четкими, поскольку каждая организация использует и другие формы для осуществления своих функций и, как следствие, власти. Это положение английский мыслитель иллюстрирует с помощью рассмотрения правоохранительной деятельности государства, которая для своего осуществления использует идеологическую деятельность, «власть над мнением».

Традиционная власть опирается на силу привычки и религиозные убеждения, а потому и на поддержку со стороны населения¹⁴. В прошлом наиболее важную роль играли такие формы традиционной власти, как духовенство и короли. Традиционная власть почти неизбежно проходит через определенные стадии развития. Вдохновленная почти всеобщим одобрением, она легкомысленно начинает полагать, что такое уважение будет вечным. Лению, глупостью или жестокостью она сама разрушает свой авторитет и содействует распространению скептицизма. Сила привычки без плодотворных дел угасает. В такой ситуации возникает и получает все более массовую поддержку какая-нибудь новая система политических ценностей, которая со временем (через период анархии и смуты) приводит на вершину общественной пирамиды людей с новой идеологией.

Рассел рассматривает две формы традиционной власти, которые имели большую важность в прошлые годы; а именно, священническую и королевскую власть¹⁵. Короли и священники, хотя и в элементарной форме, существуют среди самых примитивных обществ, известных антропологам. Иногда один человек комбинирует функции обоих. Это происходит не только среди дикарей, но и в очень цивилизованных государствах. С развитием цивилизации в большинстве стран священники отдаляются от остальной части

населения и становятся мощной кастой. Как опекуны древней традиции они консервативны, а как обладатели богатства и власти они имеют тенденцию становиться враждебными или безразличными к личной религии. Рано или поздно вся их система будет свергнута последователями революционного пророка. Будда, Христос и Мохаммед – исторически самые важные примеры. Власть их последователей вначале была революционной и постепенно стала традиционной. Но, безусловно, самая большая сила Церкви была моральным уважением, которое она вдохновляла. Оно было унаследовано как своего рода моральный капитал, который был потерян к эпохе Возрождения во времена реформации¹⁶.

Если новые политические ценности в обществе не получили достаточного распространения, чтобы его смогла возглавить новая авторитетная политическая сила, способная обеспечить социальный порядок, то с целью предотвращения анархии в свои права может вступить «чистая» (naked) власть. Этим термином британский мыслитель называет такую власть, когда «подданные уважают ее единственно потому, что она – сила, которая пока не может быть сломлена»¹⁷.

Подобная власть аналогична власти мясника над овцой или разбойника над жертвой. Такая власть обычно принимает вид военной власти – это или внутренняя тирания, или иностранное завоевание. Данный феномен полностью объяснил Никола Макиавелли в своем сообщении, где он с похвалой отозвался о предпринятых Цезаре Борджиа мерах для закрепления своей власти после смерти отца, папы Александра VII¹⁸. Однако там, где верховодит «чистая» власть, моральные ограничения отсутствуют. В общественной жизни «чистая» власть используется в разной степени ее проявления¹⁹.

Б. Рассел подметил определенную закономерность в политической сфере общественной жизни: «чистая» власть, как правило, является одним из этапов становления новых политических структур. Британский исследователь выделяет три фазы развития власти: первая – это фаза новой фанатичной веры, ведущей к победе. Затем наступает фаза всеобщей покорности новой власти, поскольку она беспощадна к своим противникам. Расправившись с оппозицией, такая власть в глазах населения довольно скоро начинает восприниматься как традиционная. Наконец,

возникает новая оппозиция с новыми идеями и верованиями, по отношению к которой власть вновь применяет методы насилия, т. е. становится «чистой».

Сменить традиционную власть может революционная власть, которая зависит от группы людей, объединенной новым кредо или программой. Чтобы утвердить себя при минимуме насилия, ей требуется намного более сильная и активная поддержка населения, чем это необходимо для осуществления полномочий традиционной власти. Если же борьба была длительной и суровой, то новая власть часто принимает форму «чистой». При успешном завершении революции устанавливается система, в скором времени воспринимаемая населением как традиционная. Рассел иллюстрирует революционную власть на четырех примерах: I) раннего христианства; II) протестантизма; III) французской революции и национализма; IV) социализма и русской революции.

В отличие от Карла Маркса, подчеркивающего доминирующую роль экономической власти, Бертран Рассел считал, что она является не главной, но производной. «Было общепринято принять экономическую власть без анализа, и это вело в современную эпоху к неуместному акценту на экономику, в противоположность войне и пропаганде, в детерминированной интерпретации истории»²⁰. Вместе с тем есть довольно четкие границы возможностей экономической власти. Обладая экономической мощью, можно господствовать над военной и пропагандистской силой, но в равной степени справедливо и обратное утверждение. Так, в условиях примитивного уровня развития общества военная сила обычно является источником других видов могущества, особенно в межгосударственных отношениях.

На поведение людей огромное влияние оказывают идеи, их умелая пропаганда. В этой связи Рассел справедливо отмечает, что очень легко обосновать тезис, что общественное мнение всемогуще и все формы власти целиком базируются на нем: армии бесполезны и беспомощны, если солдаты не верят в дело, за которое воюют; закон бессилен, если его не признают, а потому и не выполняют граждане, а религиозные идеи нередко оказывались сильнее государственной власти. На таких основаниях можно утверждать, что мнение является исходной властью

в социальных делах. Но это было бы только полуправдой, поскольку игнорируются силы, которые вызывают мнение: мнение является существенным элементом в военной силе, однако военная сила может произвести нужное мнение. Успеху пропаганды содействует то, что она находит отклик в человеческой душе, созвучна желаниям и интересам человека.

Власть сообщества зависит и от его верования. Фанатическая вера, исповедуемая всеми членами сообщества, часто значительно увеличивает его власть. Поскольку сейчас идеи фанатизма больше в моде, чем они были в XIX столетии, вопрос их воздействия на власть практически очень важен. Один из аргументов против демократии – то, что нация объединенных фанатиков имеет больше шанса на успех в войне, чем нация, содержащая большую часть нормальных людей²¹. Рассел специально разбирает вопрос *кредо* как источник власти²². Его анализ больше всего касается эффектов фанатического кредо.

Рассел задается вопросом, каким образом власть может быть «ограничена», ибо если мы не научимся жить сообща, то, несомненно, погибнем. Чтобы не допустить такого, философ предлагает уже знакомую из его предыдущих работ идею создания мирового правительства, состоящего из глав национальных государств, функции которого заключались бы только в профилактике предотвращения войны и обеспечении мира. Перед собирающимся международным штормом единственный приемлемый путь вперед был бы связан с «отменой национального суверенитета и национальных вооруженных сил и заменой их одним международным правительством с монополией вооруженной силы». В противном случае война и «смерть большого процента населения цивилизованных стран» приведут других к нищете и полуварварству, считает Рассел.

Эта идея очень похожа на аргументацию, приводимую в «Принципах переустройства общества», и доктрину, которая позже будет описана в «Человеческом обществе в этике и политике». Акцент ставится на то, что «мир, в котором цели различных людей и групп совпадают, скорее достигнет счастья, нежели тот, в котором они вступают в столкновение»²³. Мы все не можем быть одинаково богаты и могущественны. А всеобщее стремление к богатству и власти может повлечь за собой ужасающие последствия, вплоть до

полного разрушения. Средство от тотального уничтожения – хорошее образование и грамотное внимательное воспитание с целью, чтобы счастливое детство не способствовало развитию никаких обид и комплексов, которые могли бы оставить негативный отпечаток в уме взрослого, поиск полезной и хорошей работы, восстановление демократии на рынке труда, попытка избежать как олигархической организации капитализма, так и бюрократической тирании²⁴.

Либеральная демократия не является безупречной, но она, по Расселу, позволяет выявлять и осознавать ошибки и проводить новые полезные реформы в социальной и политической организации²⁵. Как он писал, на протяжении следующих двадцати лет демократия будет развиваться и прогрессировать, если ее сторонники будут придерживаться скептического оптимизма, присущего ученому. Рассел был членом лейбористской партии, когда он написал эту книгу; он присоединился к ней во время Первой Мировой войны, решая вынести социализм ради мира. Но в глубине души он всегда оставался классическим либералом, который сохраняет веру, даже когда к власти имеется определенное подозрение в правильности действий правительства.

Примечания

¹ Ryan, A. Bertrand Russell : A Political Life. L. : Allen and the Penguin press, 1988. P. 1.
² Barber, B. R. Solipsistic politics : Russell's empiricist liberalism. Princeton : Princeton U. P., 1988. P. 25.

³ Lipponcott, M. S. Russell's Leviathan [Электронный ресурс] // *Russell : the Journal of Bertrand Russell Studies*. Vol. 10, Iss. 1, Article 4. McMaster Univ., 1990. URL : <http://digitalcommons.mcmaster.ca/russelljournal/vol10/iss1/4>.

⁴ Ryan, A. Bertrand Russell : A Political Life. P. 2.

⁵ Wood, A. Bertrand Russell. The Passionate skeptic. N. -Y. : Simon and Schuster, 1958. P. 36.

⁶ Clark, Ronald W. The Life of Bertrand Russell. L., 1975. P. 450.

⁷ Russell, B. *Power. A New Social Analysis*. Taylor & Francis E-library. L. ; N.-Y., 2004. P. 9.

⁸ Ibid. P. XXIV.

⁹ Ibid. P. IX.

¹⁰ Russell, B. *Power*. P. 23.

¹¹ Ibid. P. 9.

¹² Ibid. P. 25.

¹³ Здесь ясно видно предвосхищение Расселом тем, которые позже развивает М. Фуко.

¹⁴ Russell, B. *Power*. P. 28.

¹⁵ Ibid. P. 36.

¹⁶ Ibid. P. 53.

¹⁷ Ibid. P. 66.

¹⁸ Макиавелли Николо. *Избранные сочинения*. М., 1982. С. 522.

¹⁹ Russell, B. *Power*. P. 58.

²⁰ Russell, B. *Power*. P. 96.

²¹ Ibid. P. 113.

²² Ibid. P. 118–125

²³ Russell, B. *Human Society in Ethics and Politics*. L., 1954. P. 19.

²⁴ Russell, B. *Power*. P. 193–198

²⁵ Ibid. P. 203.